

С. ЧУХИН

ОСЕННИЙ ПЕРЕЛЕТ

СЕРГЕЙ ЧУХИН

ОСЕННИЙ ПЕРЕЛЕТ

СТИХИ

**Северо-Западное книжное издательство
Архангельск
1979**

Чухин С. В.
496 Осенний перелет: Стихи.— Архангельск: Сев.-
Зап. кн. изд.-во, 1979.— 80 с., ил.

Вологодский поэт Сергей Чухин — автор трех книг, изданных в Архангельске и в Москве. Через взаимоотношения человека и природы он передает мысли и чувства нашего современника, принимающего близко к сердцу тревоги и заботы большого мира. «Осенний перелет» — четвертая книга Сергея Чухина, ее составили новые стихи.

ч 0742—025 1—25—79
M157(03)—79

P2

◆
Да, подошли такие годы,—
Стою на новом рубеже.
Еще слежу за сменой моды,
Друзья — бессменные уже.
Еще, с противниками споря,
Взрываюсь! — но на краткий миг..
Взрослеют все-таки от горя,
Не от дебатов или книг.
И я, на сердце чуя стужу,
Не ожидая ясных дней,
Морозом выжатую душу
Отгаиваю меж друзей,
Где пополам у нас, как прежде,
Беда, одежда и еда.
Опять, искрясь, горит надежда,
Как в черной проруби звезда.
И счастья будущего всходы
В душе проклюнулись уже...
Да, подошли такие годы,—
Стою на новом рубеже.

Осенняя заря, заря глубокая
Горит и гаснет через полчаса.
И только птаха, птаха одинокая
Пустынные пронзает небеса.
Ни шороха, ни звука постороннего,
И летние туманы отцвели...
А сколько гроз высоких похоронено
Здесь, под напластованьями земли!
А сколько вдоль дороги пораскидано
И строгих дум, и песен без вина...
Чего родной землей не перевидало,
Чего не переслышала она!
Чего не повидали эти поженки,
Где ивняки толпятся по краям,
Где нежно прилегают подорожники
К неизлечимым рваным колеям.
Но говорить о прожитом не хватит ли?
Порой колоча память, как жнивье.
И разве сын напомним старой матери
О возрасте и хворости ее?
Усталая, безмолвная, ранимая,
Пусть отдохнет земля моя, пока
Вечерняя заря, заря равнинная
Свой бледный отблеск шлет на облака.

На улице,
Наверно, застывает.
Ночь ветрена,
Морозна и ясна.
И засыпает,
Тихо засыпает
Усталая от разных дел
Жена.
Во сне
Пусть от нее отступят страхи
За мир и лад,
За близких и родных...

Горят в печи, постреливая, плахи,
А у трубы, наверно, жмутся птахи.
Мне так бы всех
Согреть хотелось их!
То слышу я гудки далеких станций,
То слышу я голодной птицы крик,
То слышу я шум ветра меж акаций...
Бессонной ночи
Жалобный язык!
И вдруг меня сомнение охватит,
И я встаю в волнении:
Как же быть?
Чтоб целый мир согреть —
Души не хватит,
А между тем
Ее должно хватить...

◆

А. Романову

Опять, робея, ухожу под липы,
Где гуще мрак при первой же звезде.
И снова слышу шорохи и всхлипы,
Как, впрочем бы, услышал их везде,
Где б ни остановился в эту пору.
Вдруг вскрикнет птица, страхом пронята!
Но и звериному едва ль доступна взору
Такая ножевая темнота.

О чем в ночи бормочет старый сад?
Какие заклинанья вспоминает?
Все те же ли, что сотни лет назад,
Куда людской не проникает взгляд?
Хочу я знать, чего никто не знает.

О чем над нами шепчутся листья
И так согласно, не по-человечьи?
О как бы я хотел перевести
Все шорохи осенней темноты
На человечесь косное наречье!

Как странен свет надмирного огня!
Ночное дерево вдруг надо мной вздыхает...
Не поняло ли, старое, меня?
Хочу я знать, чего никто не знает.

◆

Лечу, гонимый ветром и судьбою.
Захватывает дух на высоте!
И родина моя передо мною
Во всей ее красе и чистоте.
До самого последнего поклона
Я буду верить в лучшую звезду.
Да, я крылат, крылат, как семя клена,
И я не знаю, где я упаду,
Каким песком мое замочет имя,
Какой меня пургою занесет...
Судьба и ветер...
С ними, только с ними!
Свободный продолжается полет.

◆
Привык ничего не бояться,
Теперь же уверился сам:
Чем людям иным доверяться,
Так лучше довериться снам.
У нас продубленные шкуры,
Но там не возьмешь кулаком,
Где только широкой природы
И ждут-поджидают тайком.
Похвальна привычка к размаху,
Но правда в пословице есть:
«Не бойся, дружок, за рубаху,
А бойся за совесть и честь».
Усваивай эти понятия,
Живи и здоровайся так,
Чтоб в руку тебе при пожатьи
Не положили пятак.

◆
Мама жизнь прожила,
И у мамы
Грустный взгляд,
Понимающий взгляд.
Не люблю,
Когда трезвые хамы
О любви к человеку
Твердят.
Знаем
Эту любовь к человеку...
Вот сидит он —
Само торжество!
Нет,
Такой не обидит калеку —
Он совсем
Не заметит его.
Но зато
На торжественных датах
Он цитатами сыплет в упор!
Если совесть его —
В адвокатах,
То моя для меня —
Прокурор.
Потому
Освещенным во мраке
У меня
Остается окно,
Что в соседнем
Широком бараке
Люди спать завалились
Давно.
Что им снится
В ночь бескручинной?
Новогодние детям кульки,
И довольные жены —
Мужчинам,
Женам —
Смирные мужики.
В общем,
Каждый о чем-то мечтает,
А калека во сне
И поет!

Но светает,
Светает, светает,
Как судьба,
Неизбежен восход.
Ночь короче,
Короче, короче,
И сливаются вновь
У меня
Пожелания
«Доброй вам ночи!»
С пожеланьями
Доброго дня...

◆
Передо мною
Чистая страница,
Но не свяжу в волнении
Двух слов.
Давно все спят,
И только мне не спится:
Мой час настал —
И это ноль часов.
Едва глаза,
Как чуткий зверь, прикрою,
Опять угрюм
Встаю из-за стола.
Да,
Черный день сегодня прожит мною...
Так, может, ночка
Выпадет светла?
В который раз
Испытываю муку,
Клянусь себя
Во слабости своей,
Что снова
Не тому я подал руку,
Кто в этот миг
Нуждался, может, в ней.
Не надо встреч
С ветхозаветным адом,
Довольно вспомнить
О минувшем дне...
Мне показалось,
Промелькнули рядом
Твои глаза
В автобусном окне,
Они глядели
С тайной укоризной...
И вспомнил я
Забывтый мною кров!
И снова день
Заканчиваю тризной,
Заканчиваю тризной
В ноль часов.
Мне жизнь не дьет
За воротник елею!

Но,
Подчиняясь здоровому уму,
Я на ошибках собственных
Взрослею,
Чужие
Не научат ничему.
Дневная
Перевернута страница,
Мрак законный
Исчерна лилов.
Давно все спят,
И только мне не спится:
Мне дальше жить —
И жить с поля часов.

◆
Что, ребята, горевать, —
Нет бессмертья людям!
Если быть — не миновать,
То и мы т а м будем.
Только каждый в свой черед...
А черед — когда же?
Тут никто не разберет,
Разум не подскажет.
Знай работой, нажимай
В доле и недоле.
Помирай, а засевай
Родимое поле.
Неизвестно, кто поймет,
С наших с вами пожен.
Неизвестно, кто поймет,
Но ведь кто-то должен.
Незарытым на земле
Не оставят тело.
Незарытым на земле
Остается дело.

◆
Снег летит на храм Софии...

Н. Рубцов

Не нарушим твоей тишины,
Не замути прозрачной протоки,
Чтобы явственней были слышны
Нам твои голубиные строки.
И грибов твоих не оберем,
И синиц твоих не распугаем.
Дышим дружеским, старым добром
И на новое не уповаем.
Ты средь этих покатых полей
Жил с душою, что легче котомки.
Чем ты сам становился светлей,
Тем плотней обступали потемки.
Видно, боль наша не отболит,
Хоть и ходим с глазами сухими...

Негасимой свечою стоит
Светлый храм вологодской Софии.

◆
Люди вынули зимние рамы.
Нету сна никому от грачей.
И, наверное, дома у мамы
Под порожек пробился ручей.
И, наверное, маме не спится,
Ночь подходит уже под конец...
Если спится, то что же ей снится?
Хорошо б, не покойный отец,
Хорошо б, не беспутные дети...
Одного только хочется мне,
Чтоб подумалось ей на рассвете
О грядущем сегодня письме,
Чтобы не было ей одиноко.
И, участие к ней сохраняя,
Я хочу, чтоб у маминных окон
Кто-нибудь постоял за меня.
Дорогая моя, золотая,
Были б крылья — к тебе прилетел
Вслед за этой грачиною стаей
От бессонниц, от книжек и дел.
Но не в слове тебе утешенье.
Надо просто приехать, обнять,
И попробовать с чаем варенье,
Двор весенний расчистить опять.
Как бы птицы тогда ни кричали —
Сны бы светлые жили в избе...
А пока — мне не спится ночами...
Как-то, милая, спится тебе?

◆
Вечеровые птахи отпели.
Тени легли вкось.
И задремал я под шепоты ели...
В детстве малиновом, в колыбели
Мне так легко спалось.

Мама в ночи колыбель качала:
«Спи-ка, сыночек мой...»
Песни текли без конца и начала,
Каждую песню она кончала
Медленным: «О-о-ой...»

Тени по стенам тихо метались.
Лампы огонь гас.
Что же мне снилось, что же мечталось —
В яблоках конь ли, хлеба ли малость?
Разве вспомнишь сейчас.

Маминых песен не помню ни слова,
Только напев живет,
Тот, что сыновним песням основа.

Воспоминаний соломинка снова
Мимо меня плывет.

◆
Мне тяжело,
Когда верно привычке
Вокруг снует
Холодное жулье
И подбирает
Разные отмычки
К моей душе,
Чтобы взломать ее.
Мне тяжело,
И я спешу забыться
В кругу друзей,
Под сенью чьих-то крыш.
Мне тяжело,
И я спешу забыться
В лесную глушь
И полевою тишь.
Мне тяжело,
Я головой качаю,
Когда домой приду
Издадека,
Все реже я
У милой замечаю
Улыбку,
Словно вспышку маяка.
Мне тяжело,
И я спешу на волю
С единственным желанием —
Скорей!
Как птица к небу
И как пахарь к полю,
Так я
Привязан к родине своей.
И не бывает
Счастья в одиночку,
Куда б за ним
Ни ехал далеко.
Пора смириться
И поставить точку:
Мне тяжело...
Ну а кому легко?

◆
Вадиму Кузнецову

◆
Столько зелени на островах,
Все так ягодно, рыбно и ново,
Что согласишься и вымолвишь: «Ах!» —
И добавишь веселое слово.
Сам, бывало, большой говорун,
Убегу от ребячьего крика
И верхом оседлаю валун,
Что замшел, как столетний владыка.
Погляжу на родные края,
Где в березах наметилась просинь.
Вижу лето из августа я,
Вижу я и заветную осень.
До чего хорошо на земле!
Жил бы вечно, всему удивляясь,
В бескорыстном купаясь тепле,
Бескорыстной водой умываясь,
Собирая чернику в лесах,
Окунишек пугая негрозно...
Но согласишься и вымолвишь: «Ах!» —
Как все просто и как невозможно.

◆
Ах, опять на равнинах безбрежных,
Посмотри, как пошли и пошли
Пузырьки одуванчиков нежных
Из глубин изумрудной земли.
И затейливей северных кружев,
И причудливей сказки иной
Золотистым узором калужниц
Оторочены речки весной.
На полянке, средь птичьего крика,
Не научена счастье скрывать,
Пятикрыло цветет земляника
И готовится ягодой стать.
Разве хватит обычного сердца,
Чтобы выдержать ласковый взгляд?
Голубыми глазами младенца
Нам вослед незабудки глядят.
И султанами пышно качая
На густом предосеннем ветру,
Зоревые цветы иван-чая
Подожгли на осинах листву.
Это все нам не даром дается:
И луга, и святые цветы...
Это все, что в России зовется
Человеческим счастьем!
И ты
Поброди по лугам и полянам,
Полежи у земли на груди,
И не тешься обычным обманом,
Будто лучший твой день впереди.
Может, жизненный путь завершая,
(Хоть и долгих желаю годков)
Не захочешь ни ада, ни рая,
А холщовых
Во ржи
Васильков.

◆

Памяти отца

Все увидел: и горе, и негу,
И поминки, и свадебный бал.
И бродил я по первому снегу,
И цветы луговые сминал.
Было все: и пунцовые дали,
И ветров недорезанных рев.
Нас, мальчишек, отцы подымали.
Нынче мы
Опускаем
Отцов.
Но, сутуля мосластые плечи,
Все равно подымаем лицо,
Потому что навстречу, навстречу
Наши дети бегут на крыльцо.
И при этом — да что многословить!—
Всяк о жизни подумает сам,
Чтобы детям ее уготовить
Лучше,
Чем уготована нам.

◆

И наша не хуже эпоха
Иных, отзвеневших эпох.
Случалось, живали без вздоха
И перепадало под вздох.
Случалось, на праздниках пляшем,
Полынные песни поем,
А то на коровушках пашем,
На танки с винтовками прем.
Летим над землею в ракете,
Меняем лицо деревень...
За прошлое тоже в ответе,
Не только за будущий день.
Историю выучив в школе,
Мы поняли — слава одна
У тех, кто на Марсовом поле,
С солдатами Бородина.
И, помня былого уроки,
Над Родиной солнце и дым,
Мы славные наши истоки
Мутить никому не дадим.
Корежим, и строим, и пашем,
Безмерны в труде и любви,
И силушка дедичей наших
Гуляет по нашей крови.
Написано если на доле,
То надо стоять головой
За каждое русское поле,
За молот и серп полевой.

Далекie прощальные зарницы.
То — лета уходящего привет...
Над гнездами остуженными
птицы
Вчера кружились, а сегодня нет.

Как поглядишь на скошенное поле
Да как примеришь к собственной судьбе! —
И побредешь к соседу поневоле,
Так делается вдруг не по себе.

За куревом завяжется беседа,
Но говорим несложно, как всегда:
— Пожалуй, до зимы не хватит сена...
— Ох, рано задождило нынче...
— Да...

И замолкаем, словно виноваты,
И хмуро смотрим в щели половиц.

Людей сближают общие утраты,
Как холода сбивают в стаи птиц.

Стоит одинокая хата,
Нехитрый рыбацкий приют.
Упругие струи заката
Под самую застреху бьют.
Но мы веселимся, как дети,
Ломая калачик замка!
Ложимся на ветхой повети
И там задаем храпака.
Устало и накрепко спится,
Нам зорьку бы лишь не проспать!
А в доме вздохнет половица,
Хозяина вспомнив опять.
Уж тот бы поправил крылечко,
Сменил бы бревешки венца...
А эти ночуют, конечно,
Половят и выпьют винца.
О дальних делах потолкуют
Меж рюмкою и балыком,
Но печку, как мать неродную,
Не повеселят огоньком.
Уедут на буднем рассвете,
Не сняв паутин с потолка...

А мы веселимся, как дети,
Сгибая калачик замка.

◆

Над Ростовом не звенят колокола.
Представляю, что за музыка была,
Если медный с двухпудовым языком
Перекликнется с простым пудовичком!
Отыграла эта музыка давно,
Разве изредка запишут для кино.
Прикусили языки колокола...
Как представляю, что за музыка была,—
Помолчу да покачаю головой,
Тоже... «колокол на башне вечевой».

◆

Проснулся на раннем рассвете
В какой-то дыре, в конуре.
Еще за окошками лето,
Но осень на календаре.

Гудки полетели с вокзала
От разных железных систем.
Ох рано ты, солнышко, встало,
Куда торопиться, зачем?
Объявят по радио: «Восемь», —
И мне на работу. А ты?
Куда же ты, глядя на осень,
Где тучи толсты и густы?
Представишь — и холод по коже!
Хотя, напрямик говоря,
И лето-то выдалось — тоже...
И дожили до сентября!

Но вот, отмывая дремоту,
Я лезу под кран с головой.
И всё. Ухожу на работу.
На время прощаюсь с тобой.

◆
Лесные расплылись проселки.
Не ходят даже трактора.
По ним гуляют разве волки...
Ноябрь. Угрюмая пора.

Есть, правда, клюква на болоте...
Но мне порою в дровяник
И то бывает неохота
Из дому выбежать на миг.

Но погоди, когда пристынет,
Да первый выпадет снежок,
Тогда меня и след простынет —
Сию минуту за порог!

И только выйдешь за ворота —
Хоть гимны сразу же строчи! —
Сияет на снегу ворона,
Как головешка из печи.

◆
Полжизни прожил,
Не умея жить.
Со мной всегда
Семь пятниц на неделе!
Мне предлагают
Опыт одолжить
Те, что имеют опыт
В этом деле.
Один
Ходить умест по кривой,
Другой
Полезные знакомства копит...
Но как непросто
Быть самим собой,
Перенимая
Столь холодный опыт.
Запоминаю,
слушаю,
молчу,

Хотя наука
Туго подается.
А сам
Людей чему я научу,
Коль буду пить
Из всякого колодца?
Живая жизнь —
Она не такова!
Она вольна,
Как завинный ветер!
А опыт виснет,
Словно жернова,
На шее тех,
Кто знает все на свете.
Да и чего
С меня, конечно, взять?
Мне этот опыт
Тягостен и скучен.
Пойду-ка я
Куда-нибудь гулять,
Всему учен,
Но не всему научен.

◆

Качнулись под крылом дерева
И вот назад, назад пошли.
И ты от жизни повседневной
Оторван вдруг, как от земли.
Глядишь на все заботы немо.
Сгори они и пропади!
Сейчас с тобою только небо
И осень, осень впереди
С ее красою невеликой,
С неярким солнышком в лесу,
С ее грибами и брусничкой,
И удочкою на весу.
И там, у тихого течения,
В зубах травинку теребя,
Ты не ищи ни в чем значенья,
Ищи себя, ищи себя...

◆

За озеро кануло солнце,
И там задымилась вода.
В мое слуховое оконце
Младенчески смотрит звезда.

Громов реактивных пониже
Она опустилась, дрожа.
К седым деревенькам поближе
Ее потянулась душа.

Не надо бояться, родная!
Ну что ты, ну что ты, ну что...
Садись-ка на крышу сарая,
Тебя не обидит никто.

Ведь наши привычные люди
Живут не хватаячи звезд,
Зато тебя утром разбудит
Веселый рябиновый дрозд.

Не тронут тебя самолеты,
Они не касаются крыш.
Ну что ты, ну что ты, ну что ты
Младенчески в душу глядишь?

Горька у старика судьбина.
А все проклятая война!
Дала медали, ордена,
Но отняла жену и сына
И навсегда лишила сна.

Выходит ночью на крылечко,
Потом достанет самосад,
И долго дымные колечки
Седыми нимбами стоят.

Давно ли здесь — скажи на милость —
Сняла жесткая листва,
А как погода изменилась,
Как облетели деревья!

И все, что рдело и сняло,
Чем любовались мы, смеясь,
Теперь и слепо, и устало
Ногами втаптываем в грязь.

Выйду в лес осенний до тумана
И сниму кепчонку с головы.
Ой да не одна сквозная рана
Синевою хлещет из листвы!

Ой да скоро засвистят метели!
Лес привычен к ним, но жалко птах,
Певчих, тех, что нынче улетели,
Малых, тех, что нянчил на руках...

О чудо, с легкостью какою
Закладывают виражи
Над вечереющей рекою
Сиюминутные стрижи!

И только этой стае быстрой
В одно мгновение дано
Соединять свой берег мгlistый
Со светлым берегом в одно...

◆
Снова играет полночная вьюга,
Память усталую расшевели.
Но не схожу я, как думают, с круга —
Рядом со мною родная земля.

Мне возвратятся и чистые слезы
Средь тишины напоенных полей.
Не возвратятся лишь наши березы,
Бабушке не возвратиться моей.

В сердце навечно, как белые храмы,
Эти березы стоят у крыльца.
Мне возвратится улыбка мамы,
Мне возвратится голос отца.

Надо ль глядеть в запредельные дали?
С милой землю решаю вдвоем:
Если уж молодость переживали,
Старость-то как-нибудь переживем.

Снова играет полночная вьюга,
Память усталую расшевели.
Но не схожу я, как думают, с круга,
А возвращаюсь на круги своя.

◆
Лепечет дождь
В открытое окно,
Что прокатилось,
Кончилось веселье
И превратилось
Летнее вино
В ненастное
Осеннее похмелье.
Деревья
С непокрытой головой
В мое окно
Заглядывают снова.
И мир живой,
Верней — полуживой
Зовет меня к себе,
Полуживого.
Надену плащ
И кепку натяну,
И с крохотной
Надеждой на спасенье,
Уеду в бор
И встану под сосну,
Как верующий
Под благословенье.
Да,
В мире все живут своей бедой —
Открытие,
Что сделано не нами.
Лесные раны
Залиты смолой,
Людские раны
Залиты слезами.
И даже здесь,
В протяжной тишине,
Осевшей на брусничняки
И хвбю,
Деревьев дрожь
Напоминает мне
О ветре
Над моею головою...

◆

Дела совсем не тяготят.
Тревожит собственная лень.
Какая, господи, нелепость! —
Бываю праздникам не рад.
Среди гуляющих гостей,
Разноголосого застолья
Черты тревожного застоя
Воспринимаются острее.
Одни накурят и уйдут.
Пора, пора засесть за дело!
Звонок звенит остервенело —
Уже другие тут как тут.
— О чем горюешь, старина? —
И тон участливый, и снова
За часом час, за словом слово
Сидят и курят допоздна.
А ты, любимая, за что
Мой день усталый добываешь?
Опять билеты добываешь,
И мы берем с тобой авто...
На несколько ночных минут
Присяду над черновиками,
Но голыми не взять руками
То, что осадю беру.

◆

Г. Горбовскому

Подвигаюсь к вечному порогу.
До чего ж не хочется идти!
Только как забыть про ту дорогу
Или сбиться где-нибудь в пути?
Постою у теплых сосен сада,
Он полднейной напоен смолой.
Постою... А ведь идти-то надо.
До свиданья, друг столетний мой!
Посмотрю на голубую иву.
Солнце ей оплывило края!
Что бы раньше подивиться диву...
До свиданья, милая моя.
Реченька родная, до свиданья!
Я не ставил невода по дну.
Может быть, водицы на прощанье
Мне наплещешь пригоршню одну?
Так я все люблю! И даже жутко,
Что в последний раз отметит взгляд,
Как в сырой канаве незабудки
Рядом с маргаритками стоят.
И всему земному мирозданью,
Где цветет и золотится май,
Каждый день шепчу я: «До свиданья...»
Каждый день боюсь сказать: «Прощай...»

◆

Стоит июль. Стоит жара.
Колодец есть, но нет ведра.
И значит, воду каждый дом
Здесь достает своим ведром.
А это значит — много лет
Здесь мира не было и нет.
Недаром на дверях замки,
Собак железные клыки.
Недаром дети на привет
Глядят испуганно вослед.
Здесь пахнет все недаром
Поджогом и пожаром!
Недолго до беды...

Не надо нам воды.

◆

Не сажают в городе цветы.
Говорят, когда-то их сажали,
Говорят, что козы их сожрали —
«Мелкие рогатые скоты».

Но зато какие лопухи!
Вы таких, уверен, не видали!
В них не то что козы пропадали,
Пропадали даже пастухи.

А крапива, поглядеть — стена!
Хмурая, могучая, седая!
Ты рукою тронь ее, играя, —
Опалит огнем, как сатана.

В общем, достославный городок!
И уже, свои отбросив шутки,
Я там сутки прожил, но не мог
Протянуть еще хотя бы сутки.

Бросил я гостиничный уют,
На вокзале наспех выпил чаю...
Люди там хорошие живут,
Как живут, убей — не понимаю.

◆

В. Горинцеву

Темна осенняя вода.
Пусты осенние боры.
Никто не ставит невода.
Никто не правит топоры.
Лишь перекликнутся — «Ау!» —
Нахохленные грибники.
Но сколь ни вороши траву,
А отошли боровики.
Что говорить — боровики...
Взгляни на ближнее село:
Его гулянья у реки,
Костры, нарядные платки,
Ну, словом, красные деньки —
Все миновало, отошло.
Придет угрюмая зима,
Когда не выйдешь из ворот.
По брови занесет дома,
С ума метелями сведет.
И пусть уже пусты боры,
И пусть вода в реке темна,
Однако с утренней поры
Уйду из дому допозднá.
И пусть последний боровик,
И пусть последний окурек
Продлит на миг, еще на миг
Осенний срок, последний срок.

◆

Небеса с одной-единой тучкой.
Как я ждал погожего денька!
Сгрудились опята тесной кучкой
На покато́й лысине пенька.
Отварю в водице подсоленной,
Угощу домашних, воротясь.
В тишине прохладной, просмоленной
Пошатаюсь, как удельный князь.
В этих чистых елках и осинах
Среднерусский, нестеровский вид;
Пауки летят на паутинах
И листва багряная летит.
Шаю́т кроны в шелесте и шуме...
На душе в такие вечера
Нету места одинокой думе,
Что придет угрюмая пора,
Что притихнет скоро дикий голубь
Над моим дощатым чердаком,
Что во льду едва прорубишь прорубь,
Как метель залижет языком.
Это после... А пока прогнозы
Нам пророчат счастье и покой,
И плывут упругие стрекозы
Над похолодалою водой.
С каждым днем быстрее под закаты
Стайми уходят журавли,
И сверкают листья, как заплаты
На сиротском платьеце земли.

◆
Полянка в розовых волнушках,
А я у них на побегушках.
Беру, спины не разгибая
(Ее на службе так не гнешь!),
Подходит тучка дождевая
И затевает тихий дождь.
Меня погода не тревожит,
Мне одному легко сейчас.
Хотя сановный критик может
Тут усмотреть отрыв от масс.
Однако, если разобратся,—
Пускай пример не так уж нов:
От массы легче оторваться
В толпе под звон колоколов.
А здесь, почувствовав тревогу
В глухом и неродном бору,
Кричишь: «Ау, забыл дорогу!» —
И слышишь отклики: «Ау!..»
Сидишь под елью, как под крышей,
И осень, словно добрый пес,
С какой-то ласкою неслышной
Мне тычет в щеку мокрый нос...

◆
Законными хозяевами бора
Песчаную дорогой належке
Мы топали вершиною угора;
Легко меняя темы разговора,
Спешили в свой шалаш, к большой реке.
Нас ожидала чуждая рыбалка!
Уж доносился грозный шум воды...
Тут заскулила вдруг моя собака,
И взмокла на спине моей рубаха,
Когда я на песке узнал следы.
— Медведица! — И мы остановились.
— А рядом медвежонок — вот и след...
Сердца у нас куда-то опустились,
И молча мы со всей родней простились,
Но все же принялись держать совет.
Никак не получалось разговора.
Решили так, сперва взглянув кругом,
Что зверь не станет лапать без разбора
Всех посетителей седого бора,
Тем более что мы пришли с добром.
...И вот река под бревнами, под сплавом
Нас развлекала... Но помню с этих пор
Медведицу, покладистую нравом,
Что лапу наложила с полным правом
На наши притязания на бор.

◆

Мне жалко покидать реку,
Где пахнет выловленным илом,
Где, занесенное разливом,
Лежит бревно,
А по песку
Гуляют гуси.
Жалко мне
Оставить яблони лесные,
Поляны светлые.
Отныне
На незнакомой стороне
Среди привычной суеты
Случайный шум ветвей

напомнит
И холодок просторных комнат,
И лес, и друга, и цветы.
Неповторимая пора!
Она продлилась только лето,
Но ей спасибо и за это:
За луг, реку и дым костра.
Пускай с друзьями я не раз
Еще увижу эти воды,
Другие это будут годы
И все другое встретит нас.

◆

Шуршат сухие ивняки.
И холодны на дне реки
Недавно теплые пески,
И пусто на пологом поле.
И эта темная река
Спокойна и неглубока.
Стоят спокойно облака
И лошади на водопое.
Качая зыбкие мостки,
Полощет мать половики:
— Покуда ведрены деньки,
Покуда ветры стали тише...
И дале причитает мать,
Что надо все перестирать,
Пока дожди полосовать
Не начали по нашей крыше.
Приходит матушка домой
И, прислонясь к печи спиной,
Подолгу говорит со мной,
Что вянут за деревней склоны
И, знать, зима недалека...
Стояг спокойно облака,
Спокойна тихая река,
И только люди беспокойны.

◆

Опять слышны вблизи и вдалеке
Рыбачьи простуженные глотки.
Вот-вот взревет моторы на реке
И в озеро уйдут рыбачьи лодки.
Пока не встали бабы у шестков,
Пока они не тронули ухвата,
На рыбники уже у мужиков
По щуке, по две схвачено на брата.
И полный газ! И к берегу! Домой!
И знают все, довольные заране,
Что пироги — они само собой,
Но прежде веник ахнет в русской бане.
И стар, и млад выходят их встречать,
Уже дымятся бани вдоль угора.
И с рыбиной на килограммов пять
Спешит домой инспектор рыбнадзора.

◆

С утра на льду торчит тулуп.
Внутри тулупа полутруп,
Что не мигая, как ног,
Весь день глядит на поплавок.
Но вот поклевка!
Не спеша
Он тащит тощего ерша
И говорит, срывая дрожь:
— Хоро-ош!..

Сближаем страны и народы,
 Пускаем шахты и заводы,
 Перепахали целину...
 А где-нибудь в поселке Устье
 Такое встретишь захолостье,
 Что просто скажешь: «Ну и ну!»

В кирзу обутая девчонка,
 Всегда закрытая лавчонка,
 И гам, и пиво у ларька,
 Ползет сельповская телега,
 Возница сед, лошадка пега,
 И пахнет дождиком...
 Тоска!

Спустишь к реке, где волны пляшут,
 И где удилищами машут
 Ребята с раннего утра.
 И там, под побережной кручей
 Ты вдруг поймешь, что все же лучше
 Тебе живется, чем вчера.

Ведь это так неповторимо,
 Когда и пароходы мимо
 И мимо все грузовики.
 И волны плещут в желтой пене,
 И, как цыгане при обмене,
 Руками машут мужики.

Какая русская картина!
 Вот на паром взошел детина,
 Присвистнул, грохнул каблуком! —
 И отвалил паром могучий...
 И девушка махала с кручи
 Детине славному платком.

У каждого свои заботы,
 Свои по жизни повороты,
 Своя любовь, свое крыльцо.
 Но в эту жизнь взглядеться надо,
 И это высшая награда —
 Глядеть открыто ей в лицо.

Художнику Михаилу Брагину

Ах, эта жизнь — гори она огнем!
 Давай, мой друг, махнем куда попало,
 Давай вдвоем немного отдохнем...
 Мы столько были под людским судом,
 Что высшего бояться не пристало.
 Да только ли в багетах золотых
 Возможно счастье? Нет, оно повсюду:
 Меж елей, темнотою налитых,
 В морозе, что захватывает дых,
 В любом цветке, уже подобном чуду.
 Поехали! Не все ли нам равно...
 Куда-нибудь в деревню, недалече,
 Где не горчит, а радует вино,
 Где не гремят под вечер в домино,
 Где умных лиц не делают при встрече.
 Осточертели вечные ханжи,
 Что взглядами, как банными листами,
 Картины облепили, витражи;
 И слово облепили ржавью лжи;
 И преуспели в том, и не устали.
 А мы от них давай передохнем
 Да примемся за старую работу;
 Смешаем ночь с быстробегущим днем,
 И за рога судьбу свою возьмем,
 Не погрешив в работе ни на йоту.
 Пускай вослед нам слухи заснуют
 И каждый будет сплетней приукрашен;
 Пускай ханжи нам суд произнесут...
 Мы столько раз судимы были тут,
 Что божий суд — и то уже не страшен.

◆

Уют деревенского крова:
Лежим на просторной печи,
И только за стенкой корова
Протяжно вздыхает в ночь.
И только гудок парохода
Пронзает ненастные сны,
И ветром шумит непогода
И пену сбивает с волны.
Но стены смолистые эти
Да печки жилое тепло
Душе говорят, что на свете
Не все с непогодой прошло.
И друга живое дыханье,
И близкий на окнах рассвет
Упрямо диктуют сознанию,
Что жизнь не окончена, нет!
Что тучи умчатся за ветром
И выяснит дали мороз,
И выпадет первым приветом
Снег ясноколючий до слез.
Ведь радости же неминучи,
Как вот неминучи пока
И эти простывшие тучи,
И хрипая нота гудка...

◆

И хотел бы в деревню родную,
Да пустили ее на распыл.
И хотел бы запеть удалую,
Да старинный мотив позабыл.
Голо все, словно после набега
Золотой зачумленной орды.
Лишь былинка торчит из-под снега
Там, где прежде стояли сады.
Только ветер гуляет над полем,
Закатившийся в наши края.
Он, конечно, судьбою доволен,
Бездомовный как, впрочем, и я.
Мне бы тоже за ветром умчаться,
Бросить эти края — и умчаться!
Чем былинкой над снегом качаться,
Чем пеньком на дороге торчать.
Только сердце навеки пристыло
К той земле, что магниту сродни,
Где и летом нечасто гостило
Красно солнце в холодные дни,
Где теперь замедает дороги —
Скоро будет совсем не пройти! —
И откуда застывшие ноги
Всё не могут меня унести...

◆
Днем солнца нет, а ночью нет луны,
И желтая под фонарями вьюга.
Давно не слышно голоса жены,
Давно не видно весточки от друга.

Ты хочешь снова слова и тепла?
Тебе уже одной работы мало?
Но жизнь такая у тебя была..
Чего же в ней тебе недоставало?

Не этой ли крошечной кутерьмы,
Чей свист порой закладывает уши...
Куда причудам матушки-зимы
До тех, что позволяют наши души!

Бессонницей глаза воспалены,
И жизнь в тебе, как тонкая рябина.
А кто-то смотрит там, со стороны:
Февраль...
Метель...
Обычная картина.

◆
И опять посередине сквера
В час нежаркий, в час почти ночной
Вижу я того пенсионера,
Грузного, с квадратной головой.
Девушки взлетают, как синицы,
Со скамей при виде старика...
Что ему, семейному, не спится?
Со старухой дома не сидится?
Он ворчит на нас издалека,
Наше поведение разбирает..
А потом, усевшись на скамью,
Свежим лимонадом разбавляет
Кровь свою, загустую свою.
Чем он постоянно недоволен,
Отчего всегда угрюмый вид?
Может, болен? Говорят, не болен,
Говорят, завидный аппетит.
Слышу я, как громко он вздыхает,
Моды, танцы и порядки хаает.
Утешаюсь только лишь одним,
Что его старуха отдыхает,
Целый день отгоревавши с ним.

◆

В старинном прионежском городе,
Где мог бы чудом стать трамвай,
Сидим не в голоде, а в холоде.
Печей не топят: как же! — май.
А что за май! Цветет черемуха,
И холод нижет до костей,
Как будто с ледяного омута
Летел сюда встречать гостей.
А мы туда и собираемся
За окуньком да за ельцом.
Табачным дымом согреваемся,
А кто желает — и пивцом.
Ну что, поехали? Поехали!
Простуду привезем легко!
И мы со смехом и помехами,
Но все же вышли в озерко
И встали на заветном омуте...
Тут ветер стих как на заказ,
И облака лесной черемухи
Со всех сторон теснили нас.
И мы заметили, заметили,
Как там, приветствуя народ,
За облаками-то за этими
И наше солнышко встает.

◆

Бросить бы весла — и по теченью.
Пусть убаюкивает река.
Лодка скользила бы тихой тенью,
Вроде березового листка.
Мимо кувшинок мраморно-белых,
Мимо осанистого села,
Мимо бы рыбаков онемелых
Лодка плыла и плыла.
Села бы верткая трясогузка:
Что, мол, разлегся, байбак?
Я бы ответил просто и грустно:
«Да вот... отдыхаю так».
И улетела бы умная птичка,
Растаяла, яко дым.
Это у птиц такая привычка —
Не надо мешать другим.
Лодка скользила бы тихой тенью,
А ночевал бы в стогу.
Бросить бы весла — и по теченью...
Да якорь мой на берегу.

◆

На вокзале рванула гармошка.
Не стерпела душа игрока!
И метнулась бродячая кошка —
До чего же худые бока!
Да еще ей добавили ходу
Сапожищем у самых дверей..
Люди ценят, конечно, свободу,
Только не для домашних зверей.
Я людей таких не уважаю.
Потому, может, в тысячный раз
Снова из дому я уезжаю,
Сам не зная куда и катясь.
Что с оседлой Россиєю случилось?
Делу вышел такой оборот:
Где и дерево не приживалось,
Там теперь человек проживет.
Гармонист заиграл незнакомо.
И с чего бы такая печаль?
Тяжело выворачивать корни
Или попросту матери жаль?
Сыпани веселее, гармошка,
Что-нибудь вологодское там!
На вокзале побитая кошка
Снова жметя к чужим сапогам.

◆

Половодья лихая путина
Затопила дороги мои.
Напиши письмецо, Антонина,
Прилетели ли там соловьи.
Напиши, как они обручали
Зорьку вечера и рассвет,
Как в открытые окна ночами
Горько пахнет черемухи цвет.
Это май виноват, подружка,
А слова мои не при чем,
Что сгорает твоя подушка
Под горячим под правым плечом.
Выйди, милая, встретишь диво —
Все равно тебе не уснуть! —
Посмотри, как луной окатило
От крыльца уводящий путь.
Протяни же призывные руки
К сильным рекам, на север, туда,
Где кончается время разлуки,
Убывает оно, как вода.

◆

Ах, милая моя! Да я бы
Будь рыцарем — не мужиком,
То посвящал тебе не ямбы,
Жизнь посвятил бы целиком.
Однако жизнь такая штука,
Ее на все хватить должно:
Работа, заседания, скука,
Друзья, приятели, вино.
Моя нескромная особа
Немного б стоила, когда
Не эта каторга до гроба
Порою сладкого труда.
Но вижу — ты уже в обиде,
Что я не безраздельно твой,
И даже в неспортивном виде
Являюсь иногда домой.
Не ахаю, а что тут ахать!
И ты не ахай — поостынь!
Конечно, жизнь моя не сахар,
А без тебя была б — польнь.
И потому давай не будем
Корить друг друга напоказ
И делать жизнь веселой людям,
Которым весело без нас.

◆

Опять накручено-наверчено
Упреков, жестов и обид.
Ах, как морозно, ах, как ветрено,
И крыша ржавая гремит.
И с головою вроде глобуса,
Такой же круглой и пустой,
Стою с народом, жду автобуса,
Киваю этой головой.
Бежит собака беспородная,
Продрогшая, хотя в шерсти.
И отдаляюсь от народа я,
Как будто есть куда пойти,
Как будто есть такие пристани,
Где всё поймут и всё простят,
Как будто на морозе листьями
Березоньки зашелестят.
Былое счастье не воротится,
Сияло лето — да прошло.
И только тень за мной волочится,
Как перебитое крыло...

◆

От снов о тебе и бессонниц
Избавлюсь, — наступит же срок!
Достаточно я из оконеч
Высматривал синий платок.
На память наложено вето,
Но трудно с ней сладить, когда
Приходит июньское лето,
Спадает большая вода.
И снова ко мне на ступени
Ложатся прохлады полны
Полудня чеканные тени,
Пушистые тени луны.
И песня рассветная птахи,
Столь нежная, прежняя столь,
Приносит неясные страхи,
И слово, и слезы, и боль.
В такие часы я не знаю,
Зачем на реку ухожу,
И на воду ветви бросаю,
И вниз по теченью гляжу...

◆

— Начнем,— умолял я,— сначала!—
Оставим,—просил я,— раздор!
Она, помолчав, отвечала,
Безжалостен был приговор.
— Забудь про минувшее лето
И больше меня не тревожь!
— Ну что ж, — отвечал я на это.
И, дверь прикрывая: — Ну что ж...
Но тут же и стыд и досада
Нахлынули в резкой тиши,
И горечь осеннего сада
Ложилась на горечь души.
И вдруг полетели виденья:
Счастливые он и она...
О, как я хотел пробужденья
От жизни, от страшного сна!
Да что тут на жизнь обижаться,
Одно оставалось опять:
Иль сила — от слез удержаться,
Иль мужество — их не сдержать.

О, милая, наш час неповторим!
Вся наша ночь с ее рассветной мукой,
Она пройдет, растает, словно дым,—
Живи разлукой.

И над рекой два робких огонька,
И матовые ивы над излучкой,
Неповторимо все, как облака,—
Живи разлукой.

Не жди прихода нового зари,
Что было нашей юности наукой.
Поговори со мной, поговори,—
Живи разлукой.

Смотри, как небо рассекает звезда
Над всем земным покоем и разрухой!
И ночь любви дороже нам, когда
Живешь разлукой.

Здесь ты жила. Вот здесь росли цветы,
Где нынче лебеда с чертополохом.
Я часто вспоминал наш дом со вздохом
И наши ночи вспоминал...
А ты?

Вернулся я. Лишь галка на трубе
Меня своим приветствовала криком.
И в этом запустении великом
Особо стало вдруг не по себе.

Сиреневые тощие кусты...
Давно ль, давно ль полны красы и силы
Такие гроздья к окнам подносили,
Что я пьянел от запаха!
А ты?

Да и зачем мне душу беречь
И в комнаты входить совсем нагие?
Дом спит в какой-то странной летаргии,
Мне одному его не разбудить.

Зато проснулись прежние мечты,
Те, что, казалось, в сердце потонули.
Давно, давно они меня тянули
Сюда прийти! И я пришел...
А ты?

◆
Бабочка уснула за окном.
Может быть, и мы дела забросим?
Милая, давай-ка отдохнем,
Самовар поставим... Что нам в том,
Что отныне наступила осень.

Что нам в том, что отошли цветы,
И скворцы про нас забыли дружно,
От гостей все комнаты пусты...
Двое нас осталось — я и ты.
Мне для счастья большего не нужно.

Ничего, что крутит ветровей
И листвою засыпана терраса.
Глянь же на меня повеселей!

Что же ты молчишь, мой соловей?
Не в отлет ли тоже собралася?

◆
Ушла жена от мужика.
Встречаются молодки!
И вот один,
И вот тоска,
И вот бутылка водки.
Потом пошел трясти деньгой
Направо и налево.
Он бабы не хотел другой,
Его
Святое дело.
Потом покинул свой приют,
Ища приюта в мире,
Когда уже в глаза плюют
Соседи по квартире.
А он угрюм,
А он молчит,
Потухла папироса.
Лишь собутыльникам ворчит:
«С откоса
Так с откоса...»
И что ему двадцатый век,
Печатная бумага!
Вот погибает человек,
Обычный работяга.
И как помочь?
И чем помочь?
Он допивает водку
И тяжело уходит в ночь
Поспать
В чужую лодку.
Он спит там
Или же не спит,
Кто в этом разберется?
Дрожит звезда его,
Дрожит,
Того гляди
Сорвется...

Сосновый лес —
Без края и конца.
Угрюмый край —
Ни огонька, ни звука.
И только месяц
Смотрит в пол-лица
На то крыльцо,
Где началась разлука.
И только месяц
Смотрит в пол-лица,
И только я
Гляжу вполоборота
На домик тот,
Где нынче у крыльца
Пришли ко мне
Тревога и забота.
Прощай, прощай!
Наверно, спишь уже...
На столике
Разложены заколки.
А у меня тревожно на душе,
Как будто рядом где-то
Рыщут волки.
Прощай, прощай...
Предчувствия томят!
Все на разлуку вечную похоже...
И твой ночной,
И твой недолгий взгляд
Припомнился —
Мороз прошел по коже.
С дерев летит
Неслышная пыльца,
А сердце замирает —
Просто мука!
И только месяц
Смотрит в пол-лица
На то крыльцо,
Где началась разлука.

Недалекой бедою грозят лиловатые тучи.
Сводит низкие брови
Во гневе глухом небосвод.
А дорога все круче,
А дорога все круче и круче,
Даже скаты дымятся, когда пробуксовка идет.

И река, и луга, и цветастая даль сенокоса
Будут вечно со мной и мое не забудут лицо.
Только ты, только ты, синеглаза и русоволоса,
Не простилась со мной
И не вышла за мной на крыльцо.

Как теперь поглядишься
В знакомый ручей родниковый?
Не остудит лица ослабевшая в лето струя.
Надевай же платок,
Кем-то за полночь дареный, новый,
В нем тебя не узнать,
Не узнал бы, конечно, и я.

Как теперь ты пройдешь
По заросшим черемухой склонам,
Там, где эхо мое еще плавает между ветвей?
Если речь о судьбе,
Как о чем-то предопределенном,
То предвижу свою и уже не предвижу твоей.

Что сутулить теперь
От бессонниц усталые плечи?
Здесь, в чужой стороне
Не наткнусь на приветливый взгляд.
Позади перевал, а под гору, конечно же, легче
Мне с шофером лететь, не оглядываясь назад.

◆

Породистые — не подыщешь слова!
Как объясняют конюхи — кровя...
Наверно, родословная иного
Древней, чем родословная моя.
Они приходу нашему не рады,
Косят глазами, шею гнут дугой.
У них у всех медали и награды,
А у меня ни той и ни другой.
Но я просил бы их не задаваться!
Я видывал получше жеребцов.
Мне приходилось с ними вместе браться
За воз один, но с двух его концов.
Они, конечно, были поскромнее,
Простые работяги, а не львы.
Они стирали хомутами шеи
Лишь для того, чтоб сыты были вы.
И потому — прощайте, дорогие! —
Прижмите ваши пышные хвосты.
Нам и лошадки дороги другие,
Да и свое понятие красоты.

◆

На таежной станции цыгане
Закатились табором в вагон.
Сразу, как в вечернем ресторане,
Шум и гам пошел со всех сторон.

Да, народец пестрый, даже странный...
Непонятно, где зимует он?
Пролетело полдесятка станций —
Покидают табором вагон.

И опять палатки ставят в поле,
Где-нибудь повыше, над рекой...
Что у них за тяга к дикой воле?
Мы давно забыли о такой.

◆

Над рекой слоистые туманы.
Катер часто подает гудки.
Лодочки качаются за нами,
Доньями скребутся о пески.

Близкою черемухою тянет...
Берег милый, родина моя!
Соловей раскатится — и станет...
Слышу только сердце соловья.

Птаха ведь, а тоже просит ласки
И от самой малой входит в дрожь.
И стоишь, мужик, и веришь в сказки,
Что на первой пристани сойдешь.

Но едва причаливает катер,
Блажи той уже в помине нет.
Лучше не смотреть на дебаркадер,—
До конечной пристани билет.

◆

Подумаю я о покое
И летние вспомню деньки,
И зыбкое небо ночное;
И как на стекло ветровое
Метелью неслись мотыльки.

И долго мы ночью катились,
И только невольно дивились,
Когда из чащоб, как из гроз,
Взлетали и чисто светились
Безмолвные стрелы берез.

◆

Уходят последние льдины,
Тонеют, темнеют они.
Как, помнится, были любимы
Вот эти предмайские дни!
Как весело было на воле,
Особенно нам, ребятам!
И лес, и речонка, и поле
В сиреновомплыли огне.
Но, видно, минувшие годы
Разбавили краску в крови:
Все глуше для нас ледоходы,
Все реже для нас соловьи.
Застойные реки не льются,
Болотам и клюкве конец.
И ласточки что-то не выются
У наших богатых крылец.
Мы многое в жизни умеем,
Но не понимаем подчас,
Что с реками вместе мелеют
И души, и мысли у нас.
Вослед уплывающим льдинам
— Спасибо!— кричу, повторя,
Что все же не хлебом единым
Жива и душа и земля.

◆

И до скромного юбилея
Очень трудно дожить, не боля.
Вот и я заболел, да некстати —
Разве можно валяться в кровати,
Если все зацвело и запело,
Принялись даже птахи за дело,
Трясогузка, наверное, лед
Перламутровым хвостиком бьет?..
Нет, не стану валяться в постели,
И пилюли уже надоели!
Говорят, что нужен покой,
Но — поймите же!— не такой,
А покой на горе, у реки,
Там где льдины — вперегонки.
Исцеленье доверить хочу
Птицам, солнечному лучу.
Даже травка встает на лугу.
Я ль не встану, я ль не смогу?

◆

Гармоники разгульно пели
На троицу и на ильин.
И кони празднично храпели
Все в новой сбруе как один.
Бывало страшновато, в общем,
Среди подвыпивших ребят,
Среди разгульных поножовщин,
Когда сходились ряд на ряд.
Тут каждый пил и завирался
Во что горазд, насколько мог.
И тут нередко заливался
Родной милиции свисток.
На памяти все это было,
Быльем с годами поросло
Все, что гуляло и грубило,
И сапогами пыль мело.
Те времена прошли глухие,
Но встрепенется в сердце кровь —
И песни старые, лихие
Сижу и напеваю вновь.
Понятно мне: иное время,
Иная музыка гремит.
Но та живет во мне, как семя
В земле, что больше не родит.

◆

На рыбалке лицо задубело,
Но улыбкою озарено.
Это чисто мужицкое дело —
Бить блесной об озерное дно!
И сижу я счастливый, как олух,
И хлебаю уху за троих
Из твоих приглубинных, тяжелых
Окуней заржавелых твоих.
А пока над ухой, как над нивой,
Я склоняюсь, хваля горбачей,
Засыпаешь, хозяин счастливый,
Об одном сапоге у дверей.
Но хозяйка тебя разувает,
Тормошит, к самовару ведет.
И котиче под лавкой зевает
И хозяину славу поет!

◆
Стояли в марте холода,
А через две недели
Пришло тепло, и, как всегда,
Мостами хлынула вода!
И льдины ржавые пруда
В три дня перегорели.

Великолепная пора!
Во всем разгаре страсти:
Буксуют даже трактора,
По лужам с криками «ура!»
Летит куда-то детвора,
Рыбак готовит снасти.

И в небесах идут бои,
И тем скворцам нисколько
Не уступают воробьи
Квартиры зимние свои.
Легко ль с привычной колен
Лететь куда попало?

Прекрасен воздуха настой!
Иду хмельной, бедовый!
И мне кричит цветок простой:
«Куда ты топаешь? Постой!
Взгляни, какой я новый!»

◆
Прошла машина, тяжело дыша.
Осела пыль и прояснились дали.
Куда спешить и жать на все педали?
Угомонись, веселая душа!
Стоит такой божественный закат,
Раздольно так и широко пылает,
И облака лучами подпирает,
Что я закату, словно другу, рад.
И вообще идетя мне легко!
То под кустом увижу медуницу,
А то вспугну загадочную птицу
И провожаю взглядом далеко.
Куда спешить? И я домой не рвусь,
Я предаюсь нежданному покою.
Запомнись же, запомнись мне такую
Вечерняя и дорогая Русь!
А ты, душа, притихни поскорей,
Угомонись и полюби дорогу,
Что к дому подается понемногу,
Как память сердца к юности моей.

Опять взошла, взошла звезда вечерняя
И под крыло взяла мои края.
До станции какого назначения
Летит без остановки жизнь моя?
Друзья мои, до шуток ли, до смеха ли?
Подсчитывать пора — и не рубли..
Учебники прошли и жизнь проехали,
Так что же мы в итоге привезли?
В пыли дорожной годы наши таяли,
И без ответа на устах немых:
Когда и где нас девушки оставили?
Когда и где мы оставляли их?
С какой поры отстали песни бойкие,
С какой поры негромкие поем,
И жесткими довольствуемся койками,
И малым согреваемся теплом?
С какой поры над этими равнинами,
Как жаворонок, плещется душа,
Над этими сырыми яровинами,
Над этим костерком у шалаша?
Забылись былые потрясения,
Но пред глазами все стоит ольха,
Что рада бы от лаводка весеннего
Чуть отступить, подальше от греха.
Она стоит у самого течения,
Ей моет корни чистая струя.
И всходит над ольхой звезда вечерняя
И под крыло берет мои края.

СОДЕРЖАНИЕ

3	«Да, подошли такие годы...»
4	«Осенняя заря, заря глубокая...»
5	«На улице, наверно, застывает...»
6	«Опять, робея, ухожу под липы...»
7	«Лечу, гонимый ветром и судьбою...»
8	«Привык ничего не бояться...»
9	«Мама жизнь прожила...»
11	«Передо мною чистая страница...»
13	«Что, ребята, горевать...»
14	«Не нарушим твоей тишины...»
15	«Люди вынули зимние рамы...»
16	«Вечеровые птахи отпели...»
17	«Мне тяжело, когда верно привычке...»
18	«Столько зелени на островах...»
19	«Ах, опять на равнинах безбрежных...»
20	«Все увидел: и горе, и негу...»
21	« И наша не хуже эпоха...»
22	«Далекие прощальные зарницы...»
23	«Стоит одинокая хата...»
24	«Над Ростовом не звенят колокола...»
25	«Проснулся на раннем рассвете...»
26	«Лесные расплылись проселки...»
27	«Полжизни прожил, не умея жить...»
28	«Качнулись под крылом деревья...»
29	«За озеро кануло солнце...»
30	«Горька у старика судьбина...»
31	«Давно ли здесь — скажи на милость...»
32	«Выйду в лес осенний до тумана...»
33	«О чудо, с легкостью какою...»
34	«Снова играет полночная вьюга...»
35	«Лепечет дождь в открытое окно...»
36	«Дела совсем не тяготят...»
37	«Подвигаюсь к вечному порогу...»
38	«Стоит июль. Стоит жара...»
39	«Не сажают в городе цветы...»
40	«Темна осенняя вода...»
41	«Небеса с одной-единой тучкой...»
42	«Полянка в розовых волнушках...»
43	«Законными хозяевами бора...»
44	«Мне жалко покидать реку...»
45	«Шуршат сухие ивняки...»

- 46 «Опять слышны вблизи и вдалеке...»
47 «С утра на льду торчит тулуп...»
48 «Сближаем страны и народы...»
49 «Ах, эта жизнь — горн она огнем!...»
50 «Уют деревенского крова...»
51 «И хотел бы в деревню родную...»
52 «Днем солнца нет, а ночью нет луны...»
53 «И опять посередине сквера...»
54 «В старинном прионежском городе...»
55 «Бросить бы весла — и по теченью...»
56 «На вокзале рванула гармошка...»
57 «Половодья лихая путина...»
58 «Ах, милая моя! Да я бы...»
59 «Опять накручено-навсрчено...»
60 «От снов о тебе и бессонниц...»
61 «— Начнем, — умолял я, — сначала!...»
62 «О, милая, наш час неповторим...»
63 «Здесь ты жила...»
64 «Бабочка уснула за окном...»
65 «Ушла жена от мужика...»
66 «Сосновый лес — без края и конца...»
67 «Недалекой бедою прозят лиловые тучи...»
68 «Породистые — не подыщешь слова...»
69 «На таежной станции цыгане...»
70 «Над рекой слоистые туманы...»
71 «Подумаю я о покое...»
72 «Уходят последние льдины...»
73 «И до скромного юбилея...»
74 «Гармоники разгульно пели...»
75 «На рыбалке лицо задубело...»
76 «Стояли в марте холода...»
77 «Прошла машина, тяжело дыша...»
78 «Опять взошла, взошла звезда вечерняя...»

Редактор *В. А. Беднов*. Оформление *А. П. Кротовой*.
Художественный редактор *В. С. Вежливцев*. Техниче-
ский редактор *Н. Б. Буйновская*. Корректор *Н. К. Гал-
кина*.

Сдано в наб. 18.IV.1979 г. Подп. к печ. 25.V.1979 г.
ГЕ04281. Форм. бум. 70×90¹/₃₂. Физ. печ. л. 2,5.
Усл. печ. л. 2,925. Уч.-изд. л. 2,52. Тираж 10000.
Цена 25 коп. Заказ 3615.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, Вологда, Урицкого, 2.
Областная типография, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.